

В данный момент избежать обряда обмена чашами было невозможно. Чу Тянью встал, опустив взгляд, и, переплетя руку с Мо Чанфэном, осушил чашу залпом.

Нужно было сдерживаться, нельзя было выхватывать меч. Он заставил себя не смотреть на клинок, лежащий на свадебном наряде.

Если в первую брачную ночь невеста начнёт преследовать мужа с мечом, это вызовет слишком много подозрений.

Более того, во время церемонии он услышал, что этот брак был инициирован самой Чу Тянью.

Цзи Уя поставил чашу и, глядя на девушку с лёгким румянцем на лице, взял её за руку и повёл к кровати.

— Уже поздно, пора спать.

Он не планировал ничего предпринимать, просто хотел поспать. В его нынешнем состоянии, даже если бы он и хотел что-то сделать, у него не было бы сил.

Этот жест едва не заставил Чу Тянью швырнуть его в стену.

Он не любил, когда кто-то приближался к нему, тем более если это сопровождалось физическим контактом. Но сейчас, кроме как терпеть, у него не было другого выхода.

Если он попытается что-то сделать, я просто вырублю его, — подумал Чу Тянью, безмятежно следуя за ним.

Цзи Уя, держа его за руку, сделал несколько шагов, но уже начал шататься.

Едва не упав, он с трудом уселся на кровать.

— Не перенапрягайся, — мягко произнёс Чу Тянью, стараясь не выдать своих истинных чувств.

Он высвободил свою руку, притворившись заботливым, слегка коснулся плеча Мо Чанфэна и отстранился. Ощущение от прикосновения к другому человеку было ужасным.

Цзи Уя улыбнулся и кивнул, но не успел ничего сказать, как снова потерял сознание, тяжело упав на кровать.

Увидев, что он в обмороке, Чу Тянью исчезла улыбка с его лица, и в глазах мелькнуло недоумение. Через мгновение он произнёс:

— Слишком слаб.

Несмотря на внешность и фигуру Чу Тянью, его выражение лица и тон были ледяными.

— Это даже к лучшему, меньше хлопот.

Раз Мо Чанфэн без сознания, ему не придётся ничего предпринимать.

Чу Тянью уже собирался уйти, но, поколебавшись, всё же подошёл к кровати и поправил лежащего. В своём нынешнем положении он не мог позволить себе оставить его в таком состоянии.

Он взглянул на свои одежды и тяжёлые золотые украшения в волосах, едва сдерживая вздох.

Чу Тянью сел перед зеркалом, осторожно снял шпильки и распустил причёску, размышляя о том, что делать дальше.

В конечном итоге он определился.

Пока что остаться здесь и попытаться восстановить повреждённую душу. Если получится, лучше всего найти причину исчезновения настоящей Чу Тянью и вернуть её тело.

Если нет, то найти подходящий момент, чтобы уйти, и отправиться в Секту Меча Небесного Дао за информацией или помощью.

Пик Взгляда на Прах долгое время находился в затворничестве, его наставник редко покидал свою обитель, не принимал учеников и не общался с управляющими и учениками пика... Хотя ему не хотелось так думать, но Чу Тянью, вспомнив свои привычки к уединению, действительно начал беспокоиться, что никто не заметит его исчезновения.

Более того, он не сомневался, что даже если его исчезновение заметят, секта постарается скрыть эту новость, чтобы не вызвать слухов.

— Только... это значит, что мне придётся всё время быть женщиной, — с отчаянием пробормотал Чу Тянью, глядя на своё отражение в зеркале.

Он глубоко вдохнул. Сейчас другого выхода не было, приходилось терпеть.

Просто... быть женщиной, ничего страшного. В мире столько женщин, и они прекрасно справляются.

Утром.

Цзи Уя проснулся и первым делом проверил своё тело, убедившись, что вчерашний обморок для этого тела был обычным делом, и облегчённо вздохнул.

Основная причина врождённой слабости Мо Чанфэна заключалась в слабости души. Теперь, когда эта проблема была решена, тело постепенно начнёт восстанавливаться.

Цзи Уя сразу заметил девушку, сидящую за столом, опершись на руку и закрыв глаза. Свечи с изображением дракона и феникса рядом с её локтем уже догорели, оставив лишь воск.

Эта сцена показалась Цзи Уя странной. Почему Чу Тянью спала за столом?

Не то чтобы он очень хотел делить с ней постель... Даже он сам не был уверен, что, лёжа на одной кровати с незнакомцем, не попытается ли он в бессознательном состоянии убить его.

Учитывая чувства Чу Тянью к Мо Чанфэну, нормально ли, что она не спала на кровати? Не раздумывая долго, Цзи Уя увидел, как ресницы Чу Тянью дрогнули, и она, сонно взглянув, устремила взгляд на него.

— Сяо Ю, почему ты не легла спать? Простудишься, — с мягким упрёком произнёс Цзи Уя, уже улыбаясь, когда она посмотрела на него.

Чу Тянью не любил, когда к нему прикасались, но это не значит, что он не мог отличить искреннюю заботу от фальшивой. Забота Мо Чанфэна о Чу Тянью была искренней, но он не был «ею».

Вчера вечером он хотел лишь притвориться спящим, но неожиданно действительно заснул. Тело, в котором он находился, было слабее его собственного, а его душа, повреждённая, инстинктивно стремилась ко сну для восстановления. Он был слишком неосторожен.

— Вчера ты потерял сознание, я села, чтобы присмотреть за тобой, — слегка нахмурившись, ответил Чу Тянью. Ему было сложно притворяться кем-то другим, особенно милой и нежной девушкой.

Более того, его память была неполной, и он не мог понять, какой была Чу Тянью в обычной жизни. Возможно, он даже не знал всех людей вокруг.

Память Чу Тянью, оставшаяся в теле, ограничивалась вчерашней свадьбой и её мужем Мо Чанфэном. Остальные обрывки воспоминаний вызывали у него головную боль.

Хотя объяснение Чу Тянью было логичным, Цзи Уя всё же чувствовал что-то неладное.

— В следующий раз не делай так.

Он оставил свои сомнения при себе. Ладно, учитывая, что эта девушка заботилась о нём прошлой ночью, что бы это ни было, пока что он не станет задавать вопросов.

В глазах Цзи Уя, прожившего тысячи лет, восемнадцатилетняя Чу Тянью была просто ребёнком.

Цзи Уя откинул одеяло. На нём всё ещё был свадебный наряд, и, взглянув на Чу Тянью, он увидел, что она тоже была в том же.

— Сяо Ю, позови слуг, чтобы они помогли нам умыться. Потом нам нужно будет навестить отца, — сказал Цзи Уя, притворяясь Мо Чанфэном. Рано или поздно ему придётся встретиться с отцом Мо Чанфэна.

А чтобы игра была убедительной, нужно было войти в роль. Просто сказать «отец» для Цзи Уя, который не придавал этому значения, было пустяком.

— Хорошо, — без тени эмоций ответил Чу Тянью, хотя в душе он был крайне недоволен.

Для «Чу Тянью», благородной девушки, было нормальным, чтобы слуги помогали ей умываться. Но для Чу Тянью, который никогда не позволял другим приближаться к себе, это было равносильно тому, чтобы поднести меч к горлу и ждать смерти.

Цзи Уя позвал за дверь, и Пин Ань вошёл с горничными и слугами, неся различные принадлежности для умывания.

Новобрачные, разделённые ширмой, умывались каждый в своей части комнаты. Цзи Уя был избалован, как повелитель демонов, и вокруг него всегда было множество слуг. Более того, в его нынешнем теле это было необходимо, и он стоял, позволяя другим обслуживать себя.

... Нижнее бельё, средняя одежда, рубашка, верхняя одежда, пояс и, наконец, лёгкая накидка.

Слуги, которые с детства находились рядом с Мо Чанфэном, быстро и ловко одели его.

Цзи Уя взглянул на себя в зеркало и с некоторым удовлетворением оценил свой внешний вид.

На нём был белый халат с широкими рукавами, украшенный изящными бамбуковыми листьями, поверх которого была накинута тонкая, как крылья цикады, серебристо-серая накидка. Пояс, украшенный золотом и нефритом, и белые сапоги с вышитыми серебряными облаками и драконами.

Хотя Мо Чанфэн был не так хорош, как его прежнее тело, он всё же был красивым и статным мужчиной.

К тому же его здоровье улучшилось, и цвет лица стал лучше, чем вчера.

Сложный наряд подчёркивал его достоинства, а мягкая улыбка на губах делала его в глазах других «джентльменом, подобным нефриту».

Только вот в Низшем Бессмертном Мире правила аристократических семей оставались неизменными на протяжении тысячелетий. Цзи Уя стоял прямо, позволяя слугам надеть на него нефритовые подвески, соответствующие его статусу.

Затем он сел, закрыл глаза и позволил им уложить волосы, украсив их золотой короной и нефритовыми шпильками.

Обычно Мо Чанфэн, будучи слабым, оставался в своей комнате и одевался проще.

Но сегодня было иначе. В первый день после свадьбы нужно было подать чай родителям, посетить старейшин семьи и зарегистрировать имя невесты в родовом храме... Пришлось надеть полный комплект одежды, чтобы выйти.

В отличие от Цзи Уя, который с удовольствием любовался своим внешним видом и критиковал старые правила аристократических семей, «молодая жена» с другой стороны испытывала трудности.

<http://bllate.org/book/15414/1363153>